

Тайны губернского города С.

СМЕРТЬ В ГУБЕРНСКОМ ТЕАТРЕ

ШОРТ-ЛИСТ ПРЕМИИ
"СО СЛОВ ОЧЕВИДЦЕВ"
В КАТЕГОРИИ
"ЛУЧШИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ"

ИГОРЬ ЕВДОКИМОВ

Игорь Евдокимов

Смерть в губернском театре

«Автор»

2023

Евдокимов И.

Смерть в губернском театре / И. Евдокимов — «Автор», 2023

Губернский город С. застыл в предвкушении - вот-вот откроется новый театр, развеяв провинциальную скуку. Но прямо в разгар репетиций на сцене происходит убийство. Помощник пристава Константин Черкасов приступает к расследованию по полицейской линии. Его лучший друг, учитель Павел Руднев, втянут в круговорот событий из-за безоглядной любви к молоденькой артистке. Но как найти убийцу среди актеров, для которых сокрытие истинных мотивов под маской чужих мыслей и желаний подобно второй натуре? Шорт-лист премии "Со слов очевидцев" в категории "Лучший исторический детектив".

© Евдокимов И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Действующие лица:	5
Место действия:	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Евдокимов

Смерть в губернском театре

Действующие лица:

Константин Андреевич Черкасов – коллежский регистратор, помощник пристава I-ой полицейской части.

Павел Сергеевич Руднев – преподаватель гимназии, друг Черкасова.

Сергей Иванович Богородицкий – пристав I-ой полицейской части.

Игнатий Иванович Шалыгин – помощник пристава I-ой полицейской части.

Юрий Софронович Гороховский – квартальный надзиратель.

Семен Владимирович Василисов – чиновник особых поручений.

Иван Сидорович Покровский – врач.

Митрофан Федорович Прянишников – хозяин театра, антрепренёр, мировой судья.

Осип Эдмундович Вайс – режиссер.

Елизавета Михайловна Костышева – актриса, предмет воздыханий Руднева.

Татьяна Георгиевна Филимонова – ее подруга, актриса.

Родион Герасимович Сурин – актер.

Василий Анатольевич Безуцкий – его друг, актер.

Григорий Никифорович Селезнев – актер.

Аграфена Игоревна Остапова – актриса, ветеран театральной сцены.

Марья Николаевна Остапова – ее дочь, актриса.

Место действия:

Губернский город С.

Годъ отъ Рождества Христова: 1879.

Отъ сотворенія міра: 7387.

Отъ основанія Россійскаго Государства: 1017.

Отъ основанія города С.: 231.

Глава первая

«Два предложения коллежского регистратора Черкасова»

Хватит ли слов, дабы описать всю красоту погожего дня, когда губернский город С. нежится в объятьях дивной золотой осени? Скоро, скоро придут уже дожди, облетит разноцветье листвы на деревьях, а жизнь обитателей замрет до весны. Но пока улицы и бульвары полны народом, и даже самый угрюмый бирюк нет-нет, да зажмурится на солнышке, ловя последние теплые деньки.

Одному человеку сейчас не до радости: юному коллежскому регистратору Черкасову, что трудится на должности «подчаска» – помощника пристава Первой полицейской части. Перед нами совсем юный человек, недавно разменявший третий десяток, высокий и в меру симпатичный, с вихрастыми светлыми волосами и немного простоватым лицом, которое сейчас выражало печаль и грусть. Да и есть, отчего пригорюниться – буквально два месяца назад волею судеб Константин Алексеевич оказался во главе расследования убийства преподавателя губернской гимназии. Завидный успех для столь молодого человека! Да только дело завершилось совсем не так, как рассчитывал Черкасов. Вся славу и внимание от раскрытия столь громкого прибрал к рукам пристав Богородицкий, человек тщеславный и злопамятный. А обиднее всего жгло сердце знание, что лишь Константину и его другу, учителю Павлу Рудневу, было известно имя настоящего преступника...

Но – ничего не попишешь! Расследование закончилось, потянулись тусклые трудовые будни, заполненные бумажной работой и печальными мыслями о состоянии дел в полицейской части. Волокиты на Черкасова навалилось за двоих – из запойного отпуска вышел друг и конфиденгент пристава, Игнатий Иванович Шалыгина, который хоть и числился номинально в одной должности с Константином, на деле молодого человека ни в грош не ставил. Вместо работы Шалыгин просиживал штаны, гоняя квартальных да городских трясти подношения с купцов и лавочников.

Одним словом, незавидна была участь юного Черкасова. Да настолько, что все чаще посещали его мысли бросить службу в полиции, да перевестись куда-то, где его порядочность и стремление к справедливости принесли бы больше пользы. Вот хоть даже в учителя, как друг Руднев! Только... Чему он детей-то научит, бывший семинарист и мелкий чиновник МВД? Закону Божию или законам светским? Подумать смешно!

В таких мрачных думах и застал его посыльный из губернаторского дома, что несказанно молодого человека удивило. Еще более его удивило содержание переданной записки:

«Прошу немедля явиться. Василисов»

Подпись принадлежала чиновнику особых поручений при губернаторе. Семена Владимировича Василисова командировал в помощь полицмейстеру сам хозяин губернии. На деле это означало, что чиновник служил начальственными глазами и ушами, приглядывая за деятельностью приставов, а подчас даже вмешиваясь в расследования. Делал он это, впрочем, лишь в двух случаях – если считал, что сыщики ведут дело из рук вон плохо и следует напомнить им, от кого зависит их дальнейшая карьера, либо если дознание затрагивало интересы лиц, приближенных к губернатору, а значит следовало проявлять осторожность, избегать скандалов и убедиться, чтобы покой важных персон не был потревожен. Человеком Василисов слыл умным, опасным, но по-своему справедливым. Черкасов не знал, чем вызвано приглашение столь важной особы, но не в его интересах заставлять Семена Владимировича ждать.

Коляска посыльного стояла у двухэтажного особняка с мезонином, служившего домом для I-ой части, поэтому Константин быстро занял место рядом с лакеем. Кучер щелкнул вож-

жами, и справная лошадка потянула их вверх по улице Московской, укрытой в этот октябрьский день ярким ковром из опавших листьев. На перекрестке у дома, где некогда родился знаменитый писатель, прославивший губернский город С. (таковых, на самом деле, хватало, но что-то все из них почитали своим долгом сбежать от малой родины подальше), коляска повернула на самую главную улицу города, Большую Саратовскую. По левую руку осталась старая Вознесенская церковь, за спиной – высоченная колокольня Троицкой. С Саратовской, у суда, кучер свернул на Дворцовую, объехал Карамзинский сквер напротив губернской гимназии, и остановил коляску у главного входа в губернаторский дом.

Жители города называли его не иначе, как дворцом. Действительно, длинное двухэтажное здание располагалось в самом авантажном месте, выходящем на бульвар вдоль обрыва. Портил его только чуть странноватый балкон, несимметрично нависший над дверью и одним из окон первого этажа.

– Прошу за мной, – солидно протянул посыльный. Он провел робеющего Черкасова через парадные двери в холл с роскошной лестницей, но наверх подниматься не стал, а вместо этого нырнул в неприметную арочку справа. Так Константин оказался в кабинете чиновника особых поручений.

Василисов сидел за столом, обитым зеленым сукном, и что-то писал. Не поднимая глаз от документа, он бросил Черкасову:

– Присаживайтесь, я сейчас.

Предложение оказалось весьма кстати, потому что ноги Константина и так уже стали нетвердыми от волнения. Он примостился на краешке стула и с нервным любопытством оглядел кабинет. Центром его служили два стола, составленные буквой «Т». За широкой частью разместился сам чиновник особых поручений. По обе стороны от длинной стояли два стула для гостей, один из которых и занял Черкасов. Противоположная от окна стена была закрыта длинным шкафом с книгами и документами, расставленными в идеальном порядке, корешок к корешку. Вообще, именно словами «идеальный порядок» стоило описать кабинет в целом. Даже внимательный наблюдатель не нашел бы здесь ни одной лишней вещи, предмета не на своем месте, или просто сентиментальной личной безделушки. Все сухо, серьезно, деловому.

– Итак, Константин Андреевич, – отвлек его голос Василисова. Чиновник вернул перо в гнездо чернильницы и теперь внимательно рассматривал гостя. – Вы, верно, недоумеваете, зачем я вас вызвал?

Черкасов почувствовал, что голос готов ему изменить, и, не желая пищать или хрипеть, просто кивнул. Хотя это и выглядело невежливо, Василисов вида не подал, а продолжил.

– Должно быть вы в курсе, что чуть более десяти лет назад, Государь повелел создать в столице так называемую сыскную часть. Слыхали о такой?

– К-конечно, – выдавил из себя Черкасов, чтобы не молчать. О петербургской сыскной полиции он, конечно же, слышал. Не меньшей славой было овеяно имя ее первого главы, Ивана Дмитриевича Путилина, грозы преступного мира.

– Из достоверных источников мне известно, что подобное отделение планируется открыть и в Первопрестольной, а там и черед других крупных городов настанет. Вот только до нашей тихой заводи прогресс докатится не скоро. Министерство, как всегда, не готово тратиться на провинцию, и обосновать создание сыскной части в столь небольшом городе, пусть и губернском, невозможно. Однако...

Василисов встал из-за стола и принялся расхаживать взад-вперед по кабинету. Каблуки его дорогих ботинок звонко отстукивали ритм по паркетному полу.

– Однако саму идею наличия полиции, предназначенной не для поддержания порядка, а непосредственно для расследования особо деликатных уголовных дел я нахожу весьма полезной. И Николай Петрович, – тут Василисов стрельнул глазами вверх, имея в виду губерна-

тора. – со мной в этом вопросе согласен, а посему принял решение удовлетворить мою блажь. А именно – создать при городском управлении небольшую группу из отобранных мною лично сотрудников, в задачи которой войдет дознание по происшествиям, что привлекут внимание Его превосходительства. Или мое. Участником этой группы я и предлагаю вам стать. Что скажете?

Сказать Черкасов мог много чего, и одновременно – не смел вымолвить и слова. В его голове роились сотни вопросов, хотя ни один из них коллежский регистратор не мог до конца сформулировать. Василисов, видимо, истолковал его молчание по-своему, и добавил:

– Увы, обещать вам солидной прибавки к жалованию не смогу, но лишние пять рублей в месяц вы иметь будете. К тому же, хорошо знакомый вам надзиратель Гороховский уже ответил согласием. По большей части ваши обязанности останутся неизменными, но на время расследований вы будете освобождаться от деятельности помощника пристава, дабы сосредоточиться на поиске преступников. Мне кажется, условия более чем хороши...

Чиновник особых поручений замолчал и выжидательно взглянул на Черкасова. Тот понял, что ответа от него ждут здесь и сейчас, поэтому заставил себя открыть рот и произнести:

– Семен Владимирович, ваше предложение делает мне честь, но позвольте лишь один вопрос: почему я? Я же всего лишь коллежский регистратор, без опыта и особых умений...

– Ну, во-первых мне понравился ваш нетривиальный ход мыслей в деле Нехотейского, – пояснил Василисов. – Пусть большинство ваших догадок оказались ошибочными, но иметь при себе человека, способного взглянуть на расследование под другим углом может оказаться полезным. К тому же, именно вы с Гороховским в результате нашли дом, где скрывались убийцы. Во-вторых же, я навел о вас справки среди ваших коллег...

– И они оказались положительными? – удивился Черкасов. Богородицкий и Шалыгин его откровенно недолюбливали, рядовые чины – сторонились.

– В некоторой степени, – усмехнулся Василисов. – Они все отмечают одну вашу особенность... Мне в память запала цитата, позвольте поделиться, – чиновник особых поручений закрыл глаза и приготовился декламировать, но вместо этого тряхнул головой. – Нет, это необходимо читать! – он прошествовал к столу, извлек из вороха бумаг нужную и громко прочел – «Этот (в данном случае – вы, Константин Андреевич) подношение от народа если и возьмет, то либо в церковь отнесет, либо сразу нищим на паперти раздаст».

Черкасов почувствовал, как его щеки наливаются ярко-алым румянцем.

Хохот Павла Руднева перешел в отчаянный кашель, когда пирожное попало ему не в то горло. Сопровождаемый осуждающими взглядами посетителей кафе на Большой Саратовской, он принялся стучать себя по спине. Откашлявшись и вытерев навернувшиеся на глаза слезы, учитель объявил:

– Вынужден признать, наши блюстители благочиния оказались более тонкими знатоками человеческой натуры, чем мне казалось! На твоём месте, я заранее составил бы завещание и потребовал, чтобы эти слова обязательно выбили на твоём надгробии!

Черкасов вновь покраснел и укорил себя за то, что дословно пересказал разговор с Василисовым. Руднев за прошедшие полгода успел стать ему настоящим другом, готовым помочь и поддержать при любых обстоятельствах, но присутствовала у него одна раздражающая привычка – он никогда не мог отказать себе в удовольствии съехидничать. Особенность эта нашла теплейший отзыв среди учеников гимназии, ведь легкая и ироничная натура и манера держаться выгодно отличали его большей части преподавателей. Но Черкасов принимал все близко к сердцу, и беззлобные, в общем-то, шуточки Руднева временами больно задевали его.

Вот и сейчас коллежский регистратор неуклюже встал из-за столика, чуть не опрокинув его, и попытался ринуться к выходу из кафе, но Павел ловко вскочил, приобнял друга, и усадил обиженного молодого человека обратно.

– Ваше преосвященство, ну простите дурака! И вообще, воспринимай это, как комплимент!

– Павел, я могу свыкнуться с тем, что городовые шушукаются и перешучиваются за моей спиной, но ты-то меня знаешь...

– Да-да, – замахал руками учитель. – Прости великодушно! Вот знаю же, что язык мой – враг мой, а все туда же! Ну, что мне сделать, чтобы загладить вину?

– Для начала – не отпускать подобные шутки за мой счет, – мрачно отрезал Черкасов.

– Сам знаешь, пообещать-то я могу, но вот на практике... Нет уж, друг мой любезный, есть у меня предложение любопытнее! Ты когда-нибудь бывал в театре?

Константин опешил. Как и многие другие аспекты общественной жизни привилегированного общества, театр его интриговал и очаровывал. Несмотря на это, собственно, на представление он ни разу в своей жизни так и не попал – семья Черкасова жила не сказать, что бедно, но в средствах была стеснена, и билеты на спектакль стали бы лишней, ничем не оправданной тратой. Еще больше его удивил вопрос Руднева потому, что этим летом старое здание театра, стоявшее в начале Большой Саратовской, закрыло свои двери по окончании сезона и пошло на слом. Сей прискорбный факт стал еще одним напоминанием о скудности общественной жизни губернского города С., на что Павел не переставал жаловаться. Когда Черкасов напомнил другу об этом, тот лишь отмахнулся:

– Поверь мне, скоро все изменится! Ты, должно быть, обращал внимание на строительство на Спасской, за «Троицкими номерами»?

Константин кивнул. «Троицкие» считались самой новой и самой фешенебельной гостиницей в городе, расположенной в свежем, только что построенном двухэтажном кирпичном здании. Рудневу тоже знал о них не понаслышке. Именно здесь остановился учитель только приехав в город, и в целом остался доволен, хотя претензии на «европейский манер» и находил излишне оптимистичными. Вскоре он нашел уже ставший милым сердцу флигель на Стрелецкой, однако знакомство с хозяином номеров, штабс-капитаном Прянишниковым, почел за лучшее продолжить.

– Да будет тебе известно, что в пристрое планируется открыть театр! Любезный штабс-капитан оказался заядлым театралом и всерьез намерен начать сезон буквально к ноябрю. Здание почти готово, и даже труппа начала репетиции. Так получилось, что твой покорный слуга уже успел побывать на паре репетиций, и, если тебе интересно, готов взять тебя на третью. О билете на открытие я даже упоминать не буду – это само собой разумеется! Не все же нам в шахматы играть, право слово... Ну, что скажешь, я прощен?

Энтузиазм Руднева оказался столь заразителен, что Черкасов не нашел в себе сил долго злиться на друга. Улыбка сама собой осветила лицо коллежского регистратора.

– Ладно, будем считать, что твои извинения приняты! Когда планируется следующая репетиция?

– Вечером в субботу. И учти, общество театралов в вашем скромном городке оказалось довольно обширным, поэтому никогда не знаешь, кто будет приглашен или решит заявиться самостоятельно. Так что будь любезен, подбери приличествующий случаю гардероб. Не столь формальный, как на премьеру, но все-таки... Солидный, скажем так.

– Павел, мой мундир – самое солидное, что есть в моем гардеробе, – указал Константин на свой форменный сюртук.

– Боюсь, это будет излишним! – покачал головой Руднев. – Еще, чего доброго, примут тебя за цензора от МВД... Ладно, смотри сам, как себя подать, но не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Надо ли говорить, что тем вечером, после бесед с Василисовым и Рудневым, Павел чувствовал себя куда более счастливым человеком, и даже позволил себе немного порадоваться изумительной погоде.

Глава вторая «Труп в театре»

В награду за успешное раскрытие убийства учителя Нехотейского, а в особенности – за смелость, с которой тот вступил в схватку с опасными беглецами, надзирателю Гороховскому подобрали квартал приличнее, чем его предыдущая вотчина у речки. Ныне Юрий Софронович патрулировал исключительно бонтонный район в самом центре губернского города С. Предыдущий квартальный как раз выслужил себе пенсию и спокойно ушел на покой. Место разительно отличалось от 8-го участка, где грозный пристав правил железной рукой. Скромных мещан да лавочников сменили солидные господа и городские обыватели. Первое время публика дичилась нового квартального, щеголявшего внешностью сущего башибузука – роскошные завитые усы и бритая налысо голова (над ее ослепительной гладкостью раз в несколько дней корпела супруга полицейского чина). Однако за месяц Гороховский навел на вверенной ему территории такой железный порядок, о котором при его предшественнике и мечтать не приходилось. Пропавшие вещи находились споро, в целости и сохранности. Злостные нарушители, зная крутой нрав и тяжелый кулак Юрия Софроновича, обходили его квартал стороной. Гороховский знал в лицо и по имени всех – от малого ребенка до последнего нищего на паперти. Горожане резко переменили свое отношение к суровому квартальному, а некоторые кумушки дошли до того, что признавали пугающий внешний вид надзирателя по-своему привлекательным.

В описываемый нами субботний вечер, Юрий Софронович с супругой, Меланией Никитичной, как раз собирались чаевничать. Надо признать, что стол квартального надзирателя на новом месте стал куда более обильным и богатым, чему госпожа Гороховская не могла нарадоваться. И вот только Юрий Софронович поднес ко рту блюдечко с чаем, только-только сложил губы в трубочку, дабы охладить круто заваренный кипяток, как входная дверь казенной квартиры с грохотом распахнулась. Рука квартального надзирателя дрогнула и обжигающе горячий напиток вылился ему за воротник рубахи, отчего Гороховский рывкнул такое, что даже его кроткая и многострадальная жена перекрестилась.

На пороге стоял, тяжело дыша, учитель Павел Сергеевич Руднев, коего Юрий Софронович не далее, как два месяца назад спас из лап опасных преступников. Лицо молодого человека покраснелось, по лбу струился пот – явно до квартиры надзирателя он добирался бегом. Павел попытался что-то сказать, но дыхание перехватило, в результате из горла вырвалось только гусиное шипение.

– Ну?! – рывкнул квартальный и грозно поднялся из-за стола.

– Беда, Юрий Софронович, – наконец-то отдышался Руднев. – Покойник у нас!

Тем же вечером, только чуть ранее, Руднев и Черкасов, как и договаривались, встретились на соборной площади. Местом этим жители города С. несказанно гордились – и за дело! Летний кафедральный собор, Троицкий, мог бы, по мнению обывателей, посостязаться в красоте и правильности форм со столичным Казанским собором (что, откровенно говоря, было преувеличением) или хотя бы со знаменитым Староярмарочным собором в Нижнем Новгороде (а вот это уже вполне). Зимняя, Никольская, церковь на его фоне несколько меркла, но построена на несколько десятков лет раньше, а патриархальные городские купцы так вообще считали, что ее более скромные очертания куда как благообразнее огромного соседа. Оба храма стояли посреди огромной площади на крутом берегу реки Волги, и представляли во всей красе всем проплывающим мимо города С. пассажирам пароходов.

Дальнюю часть площади как раз занимал недавно отстроенный комплекс зданий гостиницы штабс-капитана Прянишникова. К нему-то друзья и направились. Павел строго осмотрел внешний вид Черкасова, и нашел его скромным, но опрятным. А значит – приличествующим походу в театр, пусть и на репетицию. Сам он, с прицелом на приближающийся вечерний холод, облачился в щегольский костюм-тройку, плащ и цилиндр. Все это вместе придавало молодому учителю необходимую внешнюю солидность. По крайней мере, так Рудневу думалось.

В здание театра молодые люди прошли через черный ход – главный фасад все еще скрывался под строительными лесами. Внутри тоже царили шум и гам – стучали молотки, скрипели пилы, слышались грубые мужские голоса, а по коридорам то и дело тяжело топали строители. Павел, бывавший здесь не первый раз, безошибочно вел друга по лабиринту подсобных помещений, пока они не очутились в зрительном зале.

Помещение представляло собой громадную каверну, внутри которой поместился бы губернаторский дом целиком – по крайней мере так казалось. Во все стороны, насколько хватало глаз, расходились ряды обитых бархатом кресел. Вверх вздымались несколько ярусов, где размещались бельэтаж и ложи, а сверху этажи увенчивались галеркой. По крайней мере, так ему сказал Павел – светильники в день репетиции горели только на сцене и в зрительном зале, поэтому верхняя часть помещения оставалась погруженной в таинственный мрак. В свете нескольких софитов, направленных на сцену, кружилась пыль, а в воздухе повис явственный запах свежей стружки.

За исключением нескольких рабочих, молча снующих дальним закоулком зала, вся жизнь сосредоточилась на сцене. Там, неловко перемещаясь, перебрасывались репликами актеры и актрисы – причем женщин было больше. Вдоль сцены прохаживался тщедушный седовласый человечек. Время от времени, слыша нужную фразу, он останавливался, согласно кивал, и возобновлял свой моцион.

Павел тихонько, чтобы не привлекать к себе внимания, опустился на одно из литературных кресел в партере. Черкасов последовал его примеру. Все в этом театре для него выглядело новым и любопытным, поэтому коллежский регистратор без устали крутил головой. От созерцания его отвлекло истошное завывание, заставившее Константина вздрогнуть. Рядом поморщился, словно от зубной боли, Павел.

Один из актеров надрывно выводил псевдонародную песню. Старание, с которым он вытаскивал из себя слова, увы, никакого положительного влияния на его вокальные данные не оказывало.

– *Как все венки поверх воды, а мой потонул...* – патетично взвыл актер, но его прервал вопль из ложи:

– «По сверх воды», ну Боже ж ты мой, в пьесе черным по белому написано – «По сверх!»

Черкасов перевел взгляд на ложу. Там, эмоционально взмахивая руками, стоял мужчина средних лет с тщательно причесанными волосами и пышными бакенбардами, переходящими в роскошные усы.

– Помилуйте, но это же неправильно! – ответил незадачливый певун. – «По сверх!» Тыфу ты! Да это выговорить невозможно!

– То есть вы, Григорий Никифорович, беретесь утверждать, что обладаете достаточным литературным талантом, чтобы поправлять Александра Николаевича Островского?! – взревел господин в ложе.

– Считайте как угодно, но позвольте уж мне самому определять манеру речи своего героя, – гордо вскинул голову актер.

– Ах так! – топнул ногой господин с гусарскими усами и повернулся к тщедушному человеку у сцены. – Осип Эдмундыч, ну скажите ему... Хотя нет, погодите, погодите, уж я к вам сейчас спущусь!

С этими словами он молниеносно вылетел из ложи. Несмотря на царивший в здании постоянный шум строительных работ, Черкасову показалось, что он отчетливо слышит гневный топот, приближающийся к залу.

– Господа, – с тяжким вздохом обратился к актерам человек у сцены. – Перерыв, пять... – он бросил взгляд на опустевшую ложу, покачал головой и продолжил: – Нет, положим, десять минут. Будьте так любезны, не расходитесь далеко...

Двери в конце зрительного зала распахнулись, не в силах сдержать напора усатого господина. Он неся по проходу меж кресел, сотрясая воздух громкими воплями:

– Подать мне этого Гуслина!

Когда он пробежал мимо сидевших Черкасова и Руднева, Константину показалось, что их сейчас сдует ураганом, который оставлял за собой разгневанный зритель.

– Ты только что имел счастье видеть главного благодетеля городских театралов, штабс-капитана Прянишникова – со смешком прошептал ему Павел. – Его сейчас лучше не беспокоить, поэтому пойдем, я познакомлю тебя с актерами.

Действительно, актеры, по-видимому, привычные к эмоциональным всплескам хозяина театра, спустились в зрительный зал и разбрелись маленькими группками. Прянишникова, своеговольного Григория Никифоровича и режиссера Осипа Эдмундовича они старательно оглябали.

Павел подвел друга к двум молодым женщинам, что устроились на первом ряду.

– Бетси, вы как всегда блистательны! – первым делом объявил Руднев.

– Павел, в сцене, на которой вы появились в зале, я успела сказать лишь «Сядемте», поэтому не надо мне льстить! – отмахнулась очаровательная блондинка, но Черкасов успел заметить, что внимание Руднева она находила приятным.

– Мне не обязательно видеть вашу игру, чтобы быть в этом уверенным, – улыбнулся Павел. – Позвольте отрекомендовать моего доброго друга, коллежского регистратора Константина Андреевича Черкасова. Бетси, этот тот самый молодой человек, благодаря которому я спасся из лап отъявленных душегубов и теперь имею счастье вас лицезреть. Константин, представляю тебе будущих цариц театральной сцены, Елизавету Михайловну Костышеву и Татьяну Георгиевну Филимонову.

Блондинка, названная Бетси, обворожительно улыбнулась и протянула руку для поцелуя:

– Так вот значит, кто не дал Пашеньке погибнуть лютой смертью? Скажите, все произошло так, как он рассказывает, или же господин Руднев, по своей всегдашней привычке, приукрашивает события?

– Я уверен, что Павел Сергеевич говорил правду и ничего, кроме правды, – дипломатично ответил Черкасов и, робея, приложился к протянутой ручке.

– Вы служите в полиции? – недоверчиво переспросила ее спутница, очевидно – Татьяна Георгиевна.

– Да, но случай, о коем рассказывал Павел Сергеевич, является скорее исключением из правил, ибо должность моя, большей частью, кабинетная и подвигов не предполагает, – скромно пояснил Константин.

– Прошу меня извинить, но мне необходимо похитить Павла буквально на минутку, – объявила Елизавета и, взяв Руднева под локоть, увлекла его в сторону. Константин остался наедине с Татьяной. Дама принялась пристально его рассматривать. От подобного внимания Черкасов несколько стушевался, но, дабы не терять лица, обратился к актрисе с выражением вежливого интереса.

Филимонова отличалась внешне от своей подруги – волосы у нее темные, лицо – бледное, а манеры лишены кокетства. Сейчас, приглядевшись, Константин понял, что выглядит она несколько нервной.

– Я могу вам чем-то помочь? – неуверенно спросил он.

– Возможно... – осеклась было Татьяна, но все же продолжила. – Возможно, именно вы-то мне и нужны. Но вы должны поклясться, что без моего разрешения не расскажете об услышанном ни одной живой душе!

– Позвольте, но я же еще ничего не услышал, – чуть улыбнулся Константин. – О чем идет речь?

– Быть может, о сущей нелепости, но может и в вопросах жизни и смерти, – обтекаемо ответила Татьяна. – Скажем так, я... – она внезапно закашляла и поправилась: – Одной моей знакомой стали приходить записки. Комплиментарного содержания, но назойливые, и на грани приличий. Понимаете, меня терзают опасения...

– Какого рода? – подался вперед Константин.

Татьяна собралась ответить, но в этот момент Прянишников, видимо удовлетворившись результатами беседы с актером, пророкотал на весь зал:

– Так, драгоценные мои жрецы и жрицы Мельпомены, перерыв окончен, прошу вернуться на сцену и продолжить репетицию!

Татьяна схватила Черкасова за руку, приблизилась и прошептала на ухо:

– Умоляю, дождитесь меня после окончания репетиции!

С этими словами она последовала за Бетси – вторая актриса уже поднималась на сцену. К Черкасову же присоединился улыбающийся Павел.

– А я, оказывается, тебя недооценивал! Надо же, пары минут не прошло, а вы с Татьяной Георгиевной уже перешептываетесь. В чем секрет твоего мужского магнетизма?

– Ты опять вознамерился со мной поссориться? – недовольно проворчал Константин, кинув на Руднева мрачный взгляд.

– Простите, Ваше Преосвященство, уже умолкаю!

Черкасов не хотел рассказывать другу о разговоре с актрисой. Хоть он и не успел дать согласие на просьбу держать услышанной в секрете, Константин все же опасался преждевременно вовлекать учителя в обсуждение чужих тайн. Взгляд его упал на фотографию, почетно висящую в центре грифельной доски справа от сцены.

– О, ничего себе! – указал Черкасов на снимок.

– Да, Прянишников хвастался, что после первой репетиции они с труппой направились в «Американскую фотографию» Антона Шоази, запечатлеть исторический момент, так сказать, – пояснил Руднев. – Как видишь, он буквально помешан на театре. Кстати, легок на помине!

Хозяин театра закончил разнос актеров и, заметив Павла, как раз направлялся к ним. Походкой и всем своим видом Прянишников смахивал на добродушного косолапого медведя.

– Павел Сергеевич, всегда рад вас видеть! – пробасил штабс-капитан.

– Здравствуйте, Митрофан Федорович! – поприветствовал его Руднев. – Право слово, вы с актерами ведете себя аки дрессировщик в цирке!

– А с ними иначе и нельзя! Вы посмотрите на Григория Никифоровича – ни одной значимой роли за плечами, а гонору столько, словно он ждет приглашения от Дирекции императорских театров. При других обстоятельствах я бы не стал иметь с ним дела, но деньги...

Прянишников недоговорил, только расстроено махнул рукой.

– Да, строительство театра – дело недешевое! – сочувственно покачал головой Руднев.

– Вы не представляете, насколько! – обрадовался реакции собеседника Митрофан Федорович. – Я уже вложил в это здание 100 000 целковых, и, чую, что придется вложить еще! В таких обстоятельствах и думать нечего о том, чтобы переманивать именитых актеров! Вот и работаю с тем, что есть... О, а вас, молодой человек, я вижу впервые!

Он повернулся к Константину.

– Черкасов, Константин Андреевич, честь имею, – отрекомендовался коллежский регистратор.

– Прянишников, Митрофан Федорович, владелец и антрепренёр сего вертепа. Вас, должно быть, Павел привел! Умоляю, не делайте поспешных выводов, к премьере все будет готово наилучшим образом. Как вы могли понять, ставим мы господина Островского, «Бедность не порок». Приходилось уже видеть?

– Боюсь, что нет, – смущенно ответил Черкасов.

– Поверьте, к премьере все будет идеально! Город и вспоминать не будет про старый театрик. Ну, разве что при виде костюмов... – Прянишников заговорщицки понизил голос. – Знаете ли, скупил весь их старый гардероб по дешевке. Стоящих вещей там не столь много, увы, а занимает он теперь целую комнату, ну да ладно! Обязательно пристрою к делу! Правда ох уж и морока вышла, когда слуги перешивали к ним новые бирки...

Актеры, меж тем, вернулись на сцену и заняли свои места. Сухонький Осип Эдмундович надтреснутым голосом постарался привлечь всеобщее внимание:

– Господа... Господа! Давайте продолжим, господа!

Окружающий шум не сильно проникал в зал, но тихое обращение режиссера все равно умудрилось в нем утонуть. На выручку ему пришел Прянишников, командным голосом рявкнувший:

– Внимание! Действие второе, явление пятое! По местам! С самого начала! Продолжили!

Репетиция возобновилась. Константин смог уловить, что действие происходит в купеческом доме на какой-то праздник. Реквизит, правда, на сцене практически отсутствовал, кроме заставленного бокалами массивного ящика, служившего столом. Когда Бетси вновь сказала: «Сядемте», все актеры остались стоять. Следом уши Константина и Павла вновь подверглись кавалерийскому наскоку ужасного пения Григория Никифоровича.

Черкасов внимательно разглядывал Бетси и Татьяну и пораился произошедшей в них переменой. Царственная Елизавета Михайловна, которой досталась роль юной купеческой дочери, выглядела скромно и понуро (хотя и угадывалось, что такое поведение ей непривычно). В манере Филимоновой же, наоборот, не осталось и следа неуверенности и нервозности – Руднев пояснил другу, что она играет молодую веселую вдову, и метаморфоза Татьяны Черкасова поразила куда сильнее.

– Здесь на сцене появляется нянечка и раздает бокалы с мадерой, – проскрипел Осип Эдмундович. – Господа, берем бокалы, не стесняемся!

Актеры подошли к ящику.

– Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли? – обратилась к Филимоновой средних лет дама, исполнявшая роль матери Бетси.

– Вот, что ж не выпить! – отвечала ей Татьяна с самым что ни на есть разбитным видом. – Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет.

Она взяла бокал с ящика и, красуясь, пригубила его содержимое. Внезапно лицо ее перекосилось. Актриса выронила бокал, закашлялась и схватилась за живот.

– Это что еще такое?! – рявкнул вернувшийся в ложу Прянишников. – Татьяна Георгиевна, вы играете Анну Павловну, молодую купеческую вдову! Прекратите мне тут Гертруду изображать!

Филимонова, однако, не послушала антрепренёра – она упала на сцену и забилась в конвульсиях. Актеры в ужасе расступились. Понимая, что на сцене происходит что-то ужасное, Константин рванулся вперед. В один прыжок он забрался на подмостки, подбежал к актрисе и опустился перед ней на колени.

– Татьяна Георгиевна, что с вами? – спросил коллежский регистратор.

Актриса затуманенным взором обратилась к нему и, кажется узнав, попыталась ответить. Вместо слов изо рта Филимоновой выплеснулся сгусток кровавой рвоты.

Первой завизжала Бетси. Следом в криках и суматохе утонул весь зрительный зал.

Глава третья

«Расследование начинается»

– Как пить дать, девка руки на себя наложила! – безапелляционно заявил помощник пристава Шалыгин, разглядывая лежащее на сцене тело.

После того, как зал превратился в бедлам, Константин вынужденно принял на себя ответственность за дальнейшие события. Первым делом он с непривычной для себя громкостью и резкостью потребовал от всех присутствующих оставаться на своих местах. Упавшая на колени перед подругой Бетси попыталась спросить, нужен ли Татьяне Георгиевне врач, но Черкасов, уже проверивший пульс и дыхание лишь покачал головой. Затем он позвал к себе Павла и попросил его оповестить Гороховского, отвечавшего за квартал, где располагались номера и театр. Сам он остался следить, чтобы деятели театра не покинули зал и не трогали реквизит, ведь среди предметов на сцене могли оказаться важные улики.

Деятельность же полиции имела характер бурный, но по большей части бестолковый. Претензии не касались квартального – Юрий Софронович Гороховский тотчас же после явления Руднева прервал чаепитие, кликнул дворника и наказал ему оповестить сначала пристава, а затем доктора губернской больницы Ивана Сидоровича Покровского, регулярно привлекаемого в качестве «знающего лица». Дворник, однако, после доклада пристава (который, естественно, был вне себя от ярости, что на территории его части опять произошло убийство), направился к помощнику Богородицкого, Шалыгину. Сергей Иванович, хоть и знал, что на месте уже находятся Черкасов и Гороховский, не доверял молодому коллежскому регистратору, да и к квартальному начал относиться с подозрением после того, как того затребовал в свою группу Василисов. Сам пристав счел излишним ехать в театр на ночь глядя, поэтому потребовал найти Шалыгина, дабы тот служил глазами и ушами Богородицкого.

Бедный дворник отправился на квартиру к «подчаску», но Игнатия Ивановича на месте не обнаружил – тот отправился по случаю субботы инспектировать кабаки. В другой день посыльный только обрадовался бы задаче искать помощника пристава по заведениям, потихонечку отведывая щедрот каждого, но памятуя о крутом нраве и тяжелых кулаках квартального оказался вынужден искать Шалыгина со всей возможной скоростью. Игнатий Иванович обнаружили на Большой Саратовской – и обнаружению своему он отнюдь не обрадовался. Лишь после пятиминутных уговоров соизволил Шалыгин отправиться на место преступления, а дворник смог метнуться на другой конец города за врачом.

Вот и стоял теперь помощник пристава Шалыгин над телом актрисы, озвучивая свои, безусловно поддержанные наукой, выводы о причинах ее смерти.

– Позвольте заметить, – подал голос Черкасов с края сцены. – Что для самоубийства выбран очень уж странный способ.

– Я бы на твоём месте, Константин Андреич, начальству не перечил, особенно с такими глупостями, – вальяжно, но со скрытой угрозой ответил Игнатий Иванович. – Внимай опыту! Покойная же актрисой была? Вот и решила уйти по театральному, чтоб надолго запомнили.

– Но это же первостатейная чушь! – резко вклинился в разговор дотоле молчавший Митрофан Федорович. Из всей труппы он один остался в зале – актеров и режиссера под прищотом будочника Петрова отправили в закрытый по такому случаю гостиничный ресторан, ожидать беседы с полицией. Штабс-капитан поднялся на сцену и теперь с вызовом глядел на помощника пристава.

– А вы, простите, кто будете? – прищурил и без того маленькие и порядком заплывшие глазки Шалыгин.

– Прянишников, Митрофан Федорович, хозяин данного театра...

– Ах вот оно как! – хищно улыбнулся помощник пристава, но антрепренёр продолжил:
– А еще имею честь служить мировым судьей, поэтому о вас, Игнатий Иванович, я наслышан, хотя и не имел удовольствия быть знакомым лично.

От Черкасова не укрылось, как ненавязчиво Прянишников поставил Шалыгина на место. Улыбка мигом увяла на лице помощника пристава, превратившись в кислую маску подобострастности. Шалыгин мог бы орать на какого-то там хозяина театра, но вот ссориться с мировым судьей в его планы явно не входило.

– Осмелюсь заметить, что эта, как вы выразились, «девка», которую вообще-то зовут... – штабс-капитан осекся. – Звали Татьяной Георгиевной, являлась моей актрисой, поэтому покойную я знал очень хорошо, и никаких указаний на ее душевное беспокойство или самоубийственные наклонности я не припомню. Уверен, другие члены труппы скажут вам то же самое, когда вы найдете время с ними переговорить.

– Всенепременно, – протянул Шалыгин, и повернулся к Черкасову. – Значит, ты все видел своими глазами? Из какого бокала она пила?

– Вот, – Константин указал на единственный валявшийся на полу. Игнатий Иванович подошел, поднял бокал и принялся:

– Что за пакость?

– Думаю, травяной чай, – вновь вступил в разговор Прянишников. – Очень полезная вещь для горла, учитывая, что актеры вынуждены все время говорить на повышенных тонах. Аграфена Игоревна, исполнительница роли Пелагеи Егоровны, заваривает его на каждой репетиции, а в данной сцене как раз необходимо изображать застолье, так что...

– И у каждого актера свой бокал? – спросил его Черкасов, не дожидаясь реакции Шалыгина. – Или же они общие и отпить мог любой из находившихся на сцене?

– Хм... – штабс-капитан задумался. – Вот этого не скажу. Спросите сами у актеров.

В этот момент двери зала распахнулись и вошел доктор Покровский в сопровождении Юрия Софроновича. Врач, которому в этом году исполнилось 40 лет, благодаря коротким волосам и бородке выглядел моложаво, но шел медленно, шаркающей стариковской походкой. Объяснялось это просто – по болезни зрение Ивана Сидоровича продолжало ухудшаться, поэтому в потемках он старался ступать аккуратно, дабы не налететь на препятствие. Взойдя на сцену, он подслеповато сощурился и внимательно осмотрелся. Взгляд его скользнул с тела на Игнатия Ивановича, затем – на Черкасова.

– А, Константин Андреевич, мой юный друг! – мягко сказал врач. – Всегда рад вас видеть, хоть и в подобных печальных обстоятельствах.

Шалыгина он демонстративно проигнорировал. Помощник пристава, впрочем, оплатил ему той же монетой, еще и повернулся спиной. Полицейское начальство Ивана Сидоровича не уважало, а терпело – благодаря его безусловно полезному опыту. Покровский им задачу не облегчал. Доктор был крайне остер на язык и непримирим в социальных вопросах, поэтому и Богородицкий, и Шалыгин (без указания фамилий, но узнаваемые) неоднократно становились героями его острых эпиграмм.

Покровский проследовал к телу Татьяны Георгиевны, опустился на колени и принялся за осмотр. Черкасов же вновь обратил внимание на хозяина театра:

– Митрофан Федорович, подскажите, пожалуйста, сколько человек сегодня участвовало в репетиции? Я насчитал девятых, включая вас и режиссера.

– Дайте подумать... Репетировали мы отдельные сцены, не полной труппой. В явлении, что окончилось трагедией, участвуют, – он начал загибать пальцы, на память восстанавливая текст пьесы. – Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи-старухи. Но у нас получилось меньше – двух актрис на грошковые роли нанимать было расточительством, так что у нас осталась только Маша... Двух старух

потом найдем... Получается, что вы правы – девять человек, считая меня, Осипа Эдмундовича и несчастную Татьяну Георгиевну.

– А рабочие могли...

– Абсолютно нет! – отрезал Прянишников. – Им я запрещаю подниматься на сцену, когда идут репетиции.

Константин задумчиво кивнул. Предстояло еще опросить актеров и режиссера. Те ждали полицию в ресторане, но предварительная картина для него стала понятной – если Филимонова не покончила с собой, то ее убийцей, вероятнее всего, является один из девяти людей, принимавших участие в репетиции.

– Боюсь, я мало чем буду полезен сейчас, – тем временем поднялся с колен доктор Покровский. – Все, что могу сказать сейчас, вы знаете и сами – смерть несет все признаки отравления. Увы, жидкость в бокале расплескалась и провести ее анализ не представляется возможным, но рискну предположить, что смогу дать более подробное заключение после тщательного осмотра покойной. Константин Андреевич, попрошу вас убедиться, что тело доставят в анатомический театр и уберут на ледник. Я займусь ей утром.

Константин повернулся к Гороховскому, тот понимающе кивнул. Однако в разговор вступил заскучавший, видимо, без внимания Шалыгин:

– Нет уж, доктор, мы не для того вам приплачиваем, чтобы ждать, когда вы соизволите приступить к своим обязанностям! Покойницу режьте сегодня же, чтобы завтра утром доклад был готов.

Черкасов поморщился. Иван Сидорович хронически бедствовал, даже совмещая одновременно работу в ординатуре, военной гимназии и частную практику. Работал, что называется, на износ. Заставлять доктора делать вскрытие ночью, да еще зная о его проблемах со здоровьем, являлось настоящей пыткой. И все присутствующие об этом знали. Однако Покровский только кивнул и своей вечной шаркающей походкой направился к выходу, бросив через плечо:

– Константин Андреевич, тогда попрошу найти меня утром в больнице.

Черкасов вызвался проводить врача до дверей, бросив неприязненный взгляд на Шалыгина. Старший помощник пристава остался невозмутим.

Выполнив скорбный долг по отправке тела погибшей, сыщики в сопровождении Прянишникова проследовали в ресторан, где уже несколько часов томилась труппа. Располагался он на втором этаже номеров, нося гордое и непривычное для уха Черкасова название – «табльдот». Константин с порога осмотрел помещение и людей. Ресторан обставлен был со всей возможной для провинции роскошью, что называется – на европейский манер. В зале с левой и правой стороны стояли столики на 3-4 персоны, а в центре находился банкетный стол на 12 персон. У южной стены стоял большой черный буфет с часами. В нем выставлялись различные горячительные напитки: коньяки, шампанское, бордосские вина, ликёры, мадера, русская водка разных производителей. Перед буфетом находился небольшой прилавок, на котором размещались закуски и вазы с фруктами. Посреди зала висела огромная черная люстра, также помещение освещали небольшие светильники вдоль стен. Паркет блестел так, что на мгновение Константину померещилось собственное отражение.

Труппа разместилась здесь, разбившись на маленькие группы. Первым делом бросились в глаза, конечно же, Павел и Бетси – учитель накинул на плечи заплаканной актрисы свое пальто и ободряюще держал ее за руку. Увидев вошедшего друга, Руднев лишь кивнул, понимая – коллежскому регистратору сейчас не до него.

Чуть в стороне сидели две женщины, постарше и помоложе. Первой была, несомненно, Аграфена Игоревна, приготовившая чай. Имени ее спутницы Константин не знал, но предположил, что это та самая «Маша», девушка из эпизодической роли.

Еще одну пару составили двое молодых людей, настороженно поглядывающих на сыщиков. Один из них, чернявый парень с острыми чертами лица, даже попытался встать, но его светловолосый спутник дернул его за руку и заставил сесть на место.

Отдельно ото всех на разных концах обеденного зала сидели режиссер и Григорий Никифорович. Хрупкий Осип Эдмундович, казалось, дремал, уронив голову на грудь, и не обратил внимания на вошедших. Ужасно поющий актер, наоборот, всем своим видом демонстрировал, насколько его утомляет необходимость ждать. Он развернул стул так, чтобы удобнее закинуть ногу на ногу, надменно надул и без того пухлое лицо, а пальцы его правой руки нетерпеливо постукивали по столешнице.

– Господа, прошу внимания! – громко обратился к труппе Прянишников. – Все здесь присутствующие являются свидетелями трагической гибели нашей соратницы, Татьяны Георгиевны Родионовой. Наш долг перед ней – рассказать полиции все, что мы видели в этот вечер, без утайки. Поэтому прошу вас быть откровенными и помочь господам из полиции.

С этими словами он отошел в сторону и занял место рядом со встрепенувшимся Осипом Эдмундовичем. Шалыгин обвел присутствующих мрачным взглядом, затем обернулся к ним спиной и поманил к себе Гороховского и Черкасова.

– Значится, так. Я по-прежнему уверен, что девка наложила на себя руки. Но работа есть работа. Поэтому собираем имена, род занятий и место жительства, быстренько опрашиваем – и отправляем восвояси. Я займусь хозяином, еврейчиком и наглым типусом за отдельным столом. Черкасов, ты у нас нежный и обходительный, так что опрашиваешь дам. Гороховский – оставшихся актеришек и учителя. Приступайте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.